

бытія. Они должны бы были его праздновать такъ, какъ, ну, магометане, что ли,—бѣгство Магомета изъ Мекки въ Медину. Уходя, вѣнчающій собою рядъ дѣйствій Толстого на пути отрыва отъ исторіи и зачатія ея заново,—для нихъ высокій, религіозно-творческій актъ дѣла спасенія, и кажется, еще вотъ только послѣднее усиліе — и міръ спасется „Имъ“, загорится отъ „Него“, заблѣлетъ въ бѣлоснѣжныхъ одѣяніяхъ чистыхъ, явится новая живая правда, новая земля и небо новое. Толстой сдѣлаетъ то, что не сдѣлали историческія религіи, и доведетъ до конца дѣло великихъ учителей Иисуса, Будды,—безплодно („пока ничего“) прошедшихъ надъ міромъ. Но Толстой смертью обманулъ ожиданія, или маловѣріе вѣрныхъ не посягнуло итти черезъ смерть, съ нею примирилось. Здѣсь бунтъ добровольно или принудительно затихаетъ. Но почему бы имъ не евангелизировать Толстого. Считаая говорящихъ такъ, какъ я, какъ вообще православно-русскій людъ ворчалъ на Толстого, фарисеями, почему бы имъ не стать учениками-апостолами не безсодержательнаго религіознаго толстовства, а существенной религіи Льва Толстого. Почему бы имъ не имѣть смѣлости довести великаго кощунства—по-нашему, великаго дѣла — по ихъ вѣрованіямъ до послѣдняго оборота страшнаго винта. Скажутъ, они не идолопоклонники, ничего земного, плотскаго не обожествляютъ, видятъ благо „только въ стремленіи къ идеалу“¹⁾, что Толстой не спасся, а спасался, еще важнѣе: міръ не спасъ, а спасалъ; спасать и имъ оставшимся надлежитъ... Нѣтъ! Спасать безъ вѣры въ спасеніе психологически нельзя, дѣло спасенія безъ Спасителя невысказано, спасаться безъ возможности спастись — значитъ погибнуть.

Въ глубинѣ глубинъ многочисленныхъ Толстовскихъ большихъ и маленькихъ „не“, — отъ некурения до... непринятія міра, не можетъ не лежать нѣкое религіозное „да“, тайно питающее ихъ и животворящее. Если Христосъ не искупилъ міръ, и не во святомъ Крестѣ спасеніе, то есть *иной* путь, *иное* спасеніе. Если Христосъ не воскресъ, то гдѣ же то „да“, передъ судомъ котораго отвергается кассированное Толстымъ дѣло Христово. Неужели — здравый смысл...

Но Толстой умеръ... и „Господь Богъ да будетъ милостивымъ судіей“.

Волжскій.

1) В. Булгаковъ.